

Талант доброты и мудрости

Римма Дышаленкова

Сегодня – день 80-летия поэта, прозаика, журналиста Риммы Дышаленковой (11.01.1942–9.07.2016)

Случая много лет об этой дружбе она расскажет в серии очерков, посвящённых 100-летию Бориса Ручьёва.

В 1978 году в московском издательстве «Современник» издан дебютный сборник стихов Дышаленковой «Четыре окна» (12+), посвящённый рабочему Уралу, а в 1979 году она была принята в Союз писателей СССР.

Поэтическое творчество в те годы Римма Андрияновна сочела с работой тележурналиста. С 1973 по 1983 год была промышленным редактором на Магнитогорском телевидении, 1984 по 1986 год – редактором телевещания в МГМИ (ныне МГТУ имени Г. И. Носова).

В 1985 году вышел в свет сборник стихов Дышаленковой «Уральская кадиль» (12+), в 1989-м – детская книга «Чудесный самолёт. Разговор с очень взрослым сыном» (0+), в 1992-м – сборник «С высоты земли» (12+).

В 1985–1986 годах Римма Дышаленкова была депутатом Магнитогорского городского совета, затем переехала в Челябинск, где занималась просветительской работой и вела передачи на телевидении, а с 1991 по 1994 год работала завлитом ГТОза.

В 1994 году по приглашению Анатолия Старикова, в то время – генерального директора ММК, вернулась в Магнитогорск. Вступив в 1996 году в Союз писателей России, в 1998-м стала сопредседателем правления его Челябинского областного отделения.

В 1990-е Дышаленкова всё больше уделяет внимания истории религий и эзотерических учений, а также их взаимосвязям с современностью, интересуется Аркаимом, пишет серию документальных очерков «Время Александра Заплатина» (12+) о селе Измайловском, близи которого находится уникальный археологический комплекс, входит в оргкомитет таких фольклорных праздников, как Бажовский фестиваль (0+) и фестиваль «Огни Аркаима» (0+).

В 2001 году издано 300-страничное «Прощальное слово о знахаре» (12+) – свод духовно-публицистических стихотворений и рассказов, за который в ноябре 2004-го на конференции уральских писателей в Ханты-Мансийске Дышаленкова удостоена литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В 2006 году увидел свет сборник прозы и стихов «Ангел времени» (12+). В 2001 году Римма Андрияновна вошла в редколлегия VI «Ручьёвских чтений». В 2003 году по её инициативе газета «Магнитогорский металл» провела конкурс читательских частушек («Пой, Магнитка, веселись!»), по итогам которого был издан

сборник (12+). С 2007 года Римма Дышаленкова была членом редакционного совета магнитогорского журнала «Западно-восточный альянс».

К 65-летию юбилею поэтессы Челябинская областная юношеская библиотека выпустила рекомендательный библиографический указатель «Территория мудрости Риммы Дышаленковой» (12+). 28 июня 2012 года Римма Андрияновна стала одним из первых обладателей почетного знака «За заслуги перед городом Магнитогорском».

В 2012 году челябинское «Издательство Марины Волковой» выпустило в свет сразу две детские книги Риммы Дышаленковой – «Я живу на Урале» (0+) и «Алиса в стране вопросов» (0+), отмеченную серебряной номинацией «Лучшее издание для детей и молодёжи».

Наряду с собственными книгами, Дышаленкова успешно готовила к печати и труды своих земляков в качестве редактора и составителя. В их числе поэтический сборник Александра Павлова «Город и поэт» (12+). Во многом благодаря усилиям Риммы Андрияновны к читателю вернулось незаслуженно забытое имя замечательного магнитогорского фантаста Константина Нефёдова – автора романа «Могила Таме-Тунга» (12+), переизданного спустя четверть века при её деятельном участии.

Кроме уже названных наград и почётных званий, в творческой биографии Риммы Дышаленковой – Цветаевская премия Фонда культуры Челябинской области (1994), литературная премия имени Бориса Ручьёва (1998), специальный диплом «За достижение интеллектуальных высот» Девятого Евразийского телефорума (2006) за сценарий фильма «Дивизияция Мухаметзяна Хакимова» (12+) и множество других.

Римма Андрияновна была наставником молодых писателей, встречалась с юными читателями и взрослыми ценителями её творчества, осталась в их памяти как добрый, мудрый, чуткий человек с прекрасным чувством юмора и душевной щедростью.

Римма Дышаленкова скончалась в Магнитогорске 9 июля 2016 года. В апреле 2021-го её имя присвоено магнитогорской библиотеке семейного чтения – филиалу № 5 объединения городских библиотек Магнитогорска. Там же создан камерный музей, составленный из личных вещей Риммы Андрияновны, представленных её родственниками. Имя Риммы Дышаленковой также присвоено центральной детской библиотеке в Сатке.

✍ Елена Пещинская

Поэзия

✍ Римма Дышаленкова

Уральские дали – просторы,
и воздух слоист, как слюда,
заводы, заводы – как горы,
у гор огневых – горюда.

И звоны литого металла
в ограде любого двора.
На краяхистых склонах Урала
веками живут мастера.

Они укроённое пламя
привыкли держать под рукой.
У них самоцветные камни
порой отнимают покой.

И чем минерал ни упорней,
ценней, не лежит на виду, –
тем радостней и чудотворней
творят мастера красоту.

Такой человек не обидит,
он слышком силён для обид.
Он с первого взгляда увидит,
что встречное сердце ташит.

Жар-птицы

Что со мною случится?
Надо мною вчера
обронила жар-птица
два горячих пера.

Жароптицёвы перья
тихо в косы влету.
Жароптицёво перье
я в саду заведу.

На Урале – зарницы,
всюду – огненный труд.
Вылетают жар-птицы
из мартеновских труб.

Я боялась, что счастье
не заметит меня:
птицы мимо промчатся,
опереньем звеня.

Поселилась жар-птица
в тихом сердце моём,
мне светить и светиться
самым ясным огнём.

Крановщицы

Отчего люблю я эстакады,
кранов разведённые мосты,
сварки ослепительной разряды –
гроздами с небесной высоты?

А названы? «Грейфер» и «пратцы»,
как жаргон бывалых моряков,
девочки с походочкой моряцкой
в званье заводских крановщицков.

На земле гремит ночная смена,
а девочки, – краны как антенны, –
с космосом налаживают связь.

Там на вершотуре эстакады
крановщицы сбвинули мосты,
грозовые к ним летят разряды
гроздами с небесной высоты.

«Поселилась жар-птица в тихом сердце моём...»

Рабочее общежитие

Окраины старых кварталов.
Растут догвозызе мальвы,
под мальвами – рыхлая мята.
И в летние ночи, бывало,

за спиной заборюси гитары,
в квартале шли наши ребята.
Для нас, для рабочих девчонок,
чьи руки малы и шершавы,

ребята цветы обрывали,
а мы, улыбаясь спросонок,
воинственно и вельчаво
цветы от ребят принимали.

Цветы и колючая мята,
небритые щёки мальчишек –
в ладонях огнём полыхали...
Ах, тише, гитары, тише,

ещё озорные девчата
ребят не зовут женихами...
А мяту сминают в ладонях.
Рассвет, по-июльски прятный,
прядёт золотые нити.

А где-то в родильском доме
отцы и печальные мамы
ждут писем из общежитий.

Заводские женщины мои

Заводские женщины мои,
Катерины, Зои и Алёнушки!
Под высоким парусом любви,
будто в море белые судёнышки.

Чёрный вихрь над парусом пройдёт,
синяя волна над ним расколется,
море жизни дерзкий парус реёт,
мачта гнётся, гнётся, да не ломится.

Предказать судьбу я не берусь:
далеко ли плыть до счастья, близко ли?
Знаю: в трюмах – драконовый груз
красоты, терпения да истины.

Нет сильнее женской красоты,
нет надёжней женского терпения,
тем страшной в пучине суеты
женских судеб кораблекрушение...

На волне – обломки от любви,
красоты, терпения да истины...
Заводские женщины мои,
помогите мне долыть до пристани.

Синеглазый русский молодец,
Расплети мои тугие косы,
у меня была синеглаз отец,
матушка была русоволоса.

Буду ткать в твой дом половики,
под окошком лестова ромашки,
в тонких струях ключевой реки
полоскают любимого рубашки,

цепенеть от преданной любви,
по ночам поить горячий словом,
грозовые к ним летят разряды
звонкогорлых, будто соловьи.

Собирать на стол пшеничный хлеб,
ставить чаши молока и чая...
Синеглазый русский человек,
отчий край в тебе я вельчачю.

Как за речкою, за речкою
вещует соловей,
соловейка, птичка певчая,
тоску мою развей.

Одинокой, не влюблённой
хорошо одной луне.
Обещай, что мил-милёночек
воротится ко мне

по-над речкой целый вечер
слушать речи соловья,
охорашивать мне плечи,
ничего не говоря.

Закружи ему головушку,
соловушка шальной,
чтобы скоро мой милёночек
назвал меня женой.

Рыбачка

Ветер тронул камышину на бегу,
камышина обратилась в дуду.
Я – рыбачка, я сижу на берегу,
водяного под корягой стережу:

ты лежи себе спокойно, водяной,
ты лиловую волну не беспокой.
Я сама бы да за жилам рыбаком
по волне бы убежала босиком,

пуще ветра бы за плечи обняла,
в камышовый бы домикшко привела,
но сижу вот у калёного костра,
огонёк держу до росного утра,

чтоб спала в реке лиловая волна,
чтобы рыбой наша сеть была полна...

Счастье мое влюблённое,
горько-сладо-солёное,
горем озорошенное,
мукой припорошенное,

луковое, лукавое,
с травами и кулавами,
хмельное, игривое,
рванное, рванное,
верёвочкой витое,

пестом в ступе битое,
на огне испытанное,
а всё ненасытное.

За полночь падал ясный снег,
сверкал каток жемчужной квартала,
и женщина в счастливом полусне
на тоненьких конёчках танцевала.

Как будто снежный вихрь её кружил,
а может быть, она его смиряла.
И, словно всё выдавший старожил,
сметил прожектор с высоты портала.